Научная статья / Original Article

# Запрос на стабильность и поколенческие различия в трактовке счастья в России

Надежда В. Шалютина

**Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация**

https://orcid.org/0000-0001-6101-4551

*Рекомендация для цитирования:*
Шалютина Н. В. (2026) Запрос на стабильность и поколенческие различия в трактовке счастья в России. *Социология власти*, 38 (2): 45-66.
EDN: MPJBOM

*For citation:*
Shalyutina N. V. (2026) The Demand for Stability and Generational Differences in Perceptions of Happiness in Russia. *Sociology of Power*, 38 (2): 45-66.

Поступила в редакцию: 19.06.2025; прошла рецензирование: 04.12.2025; принята в печать: 22.03.2026
Received: 19.06.2025; Revised: 04.12.2025; Accepted: 22.03.2026

© Author, 2026
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

*Резюме*:
Статья посвящена изучению представлений о счастье четырех поколений россиян. В том числе рассматриваются различия в их «запросе на стабильность», озвучиваемом при обсуждении роли государства и социальных институтов в достижении счастья и планировании будущего. На основе 130 интервью выявлены сходства и различия в представлениях о счастье представителей разных поколений. Полученные результаты интерпретированы в оптике функциональной теории AGIL Т. Парсонса. Выявлено, что внутренние механизмы регуляции общества (L и I), функционирующие в институтах семьи и культуры, стабильно передают ценности и источники счастья — близкие отношения, семья и материальное благополучие. При этом наблюдается схожесть запросов по отношению к государству — запрос на социальную стабильность и мир. Результаты анализа внешних механизмов регуляции общества (A, G), функционирующих в рамках экономических и политических институтов, обнаруживают противоречия в представлениях о способах и целях достижения счастья, разные ожидания по отношению к государству у четырех поколений россиян. Представители всех поколений формулируют запросы по отношению к государству, связанные с обеспечением фундамента счастья, используя слово «стабильность». Однако трактуют этот концепт по-разному: как поддержание баланса между социальными гарантиями и невмешательством в частную «спокойную» жизнь (бумеры); как основание для легитимации своих представлений о соци-

альной справедливости (поколение X); недовольство продолжающимися конфликтами (миллениалы), спад технологического прогресса и ограничение своих возможностей самореализации (зумеры). В результате это конвенциональное слово позволяет разным социальным группами и поколениям легитимировать свои запросы и ожидания через внешнее согласие с нормативной культурной установкой, которая наделяется разным социально-коммуникативным смыслом.

*Ключевые слова:* счастье, социальное благополучие, функциональный анализ, поколенческая теория, ценностный сдвиг

# The Demand for Stability and Generational Differences in Perceptions of Happiness in Russia

**Nadezhda V. Shalyutina**

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation
https://orcid.org/0000-0001-6101-4551



*Abstract:* The article focuses on the study of perceptions of happiness among 4 generations of Russians. It also considers the differences in their "request for stability", voiced while discussing the role of the state and social institutions in achieving happiness and planning the future. Based on 130 interviews, similarities and differences in the perceptions of happiness among representatives of different generations were revealed. The results obtained were interpreted through the lens of the AGIL functional theory of T. Parsons. It was revealed that the internal mechanisms of societal regulation (L and I), functioning in the institutions of family and culture, stably transmit values and sources of happiness — close relationships, family, and material well-being. At the same time, there is a similarity of requests in relation to the state — a request for social stability and peace. The results of the analysis of external mechanisms of societal regulation (A, G), functioning within the framework of economic and political institutions, reveal contradictions in the expressed means and goals of achieving happiness, as well as different expectations towards the state among 4 generations of Russians. Representatives of all generations formulate requests to the state aimed at ensuring the foundations of happiness, using the word "stability". However, they interpret this concept in different ways: as maintaining a balance between social guarantees and non-interference in private "quiet" life (boomers); as a basis for legitimising their ideas about social justice (generation X); dissatisfaction with ongoing conflicts (millennials), decline in technological progress, and the limitation of their opportunities for self-realisation (zoomers). As a result, this conventional word allows different social groups and generations to legitimise their demands and expectations through external assent to a normative cultural attitude that is endowed with different socio-communicative meanings.

*Keywords:* happiness, social wellbeing, functional analysis, generational theory, value shift

К началу XXI века счастье и субъективное благополучие стали одними из наиболее социально значимых категорий, вокруг которых ведутся многочисленные дискуссии в узкопрофильных научных журналах (Journal of Happiness Studies, Applied Research in Quality of Life); в рамках международных проектов, занимающихся изучением счастья (World Happiness Report); различных измерительных инструментов благополучия (индекс «Счастливая планета», индекс качества жизни Soci00al Watch, индекс процветания Legatum и др.). Открытие «парадокса Истерлина» (Easterlin 1974) сместило фокус изучения счастья с экономических факторов на социальные: брачность, субъективная оценка социального статуса, социальные сравнения (Jones 2024). Важной частью этих дискуссий является вопрос о роли государства в социальной жизни, поскольку переход от государства благосостояния к неолиберальному, а затем к патерналистскому государству, активно участвующему в конструировании социальных норм, способствующих установлению некоего общественного блага и согласия, напрямую влияет на представления граждан о счастье и благополучии. Сегодня все чаще «либертарианский патернализм» (Thaler, Sunstein 2003) предполагает, что в условиях ограниченной рациональности агентов патерналистское вмешательство государства структурирует поле личного выбора; итоговое решение при этом остается за человеком. Соответственно, роль государства в достижении счастья репрезентируется с позиции предоставления возможностей, которые видят и могут реализовать локальные акторы.



С другой стороны, на макросоциологическом уровне в рамках исследований «экономики счастья» индексы счастья оценивают различные параметры общественного благополучия (доход на душу населения; ожидаемую продолжительность здоровой жизни; социальную поддержку; свободу делать жизненный выбор). Тогда как на микросоциологическом уровне и в рамках психологических исследований (позитивной психологии) в фокусе внимания находится личное счастье как набор индивидуальных качеств и целей. Демаркация между общественным и индивидуальным счастьем преодолевается утилитаризмом, обосновывающим переход от личного счастья к общественному благу: субъекты, стремясь к удовлетворению личных потребностей, вынуждены учитывать желания других; эгоистичные интересы включают мотивы, нацеленные на общее благо (Старикова 2019). Таким образом, атрибуты и способы достижения счастья являются функциональной частью социальной системы.

Еще более продуктивным представляется соотнесение макро- и микроуровневых теорий через анализ счастья как социокультурного конструкта, формирующегося под влиянием различных

общественных институтов и культурных контекстов, важных для представителей разных поколений. Такой подход особенно актуален для исследований представлений о счастье в современном российском обществе, претерпевшем за последние десятилетия значительные трансформации. Поколенческий подход позволяет сфокусироваться на изучении общности габитусов, интерпретаций и паттернов поведения представителей возрастных когорт, социализация которых происходила в специфических историко-культурных контекстах. Поколенческая теория восходит к исследованиям К. Мангейма (Мангейм 2000), для которого социальная значимость тождественности места и времени жизни была связана с переживанием субъектами общих социально-исторических событий. Само понятие «поколение» достаточно условно (как и многие другие социологические категории) и во многом накладывается на феномен возрастных когорт (Riley 1973; Соколов 2019). Но применение поколенческого подхода в рамках исследования представлений о счастье россиян вполне уместно, во-первых, в связи со спецификой объекта: представления о счастье относятся к системам интерпретации реальности, формирующимся в период юности и относительно стабильным в дальнейшем, в отличие от более гибких поведенческих практик (таких как политическое поведение или социальная мобильность). К примеру, разные поколения вкладывают разный смысл в концепт «стабильности» как условия счастья (бумеры — как отсутствие потрясений, зумеры — как инфраструктуру для самореализации), это демонстрирует не возрастные этапы, а разные картины мира, сформированные в разные эпохи. Во-вторых, социальная история России последних 40 лет представляет собой не плавную эволюцию, а серию резких трансформаций, которые создали границы между представителями разных когорт. Это позволяет минимизировать «ошибку жизненного пути», так как различия в представлениях о счастье явно коррелируют с уникальным историческим контекстом юности каждой когорты, а не с возрастом как таковым. В-третьих, использование качественной методологии позволяет реконструировать смысловые связи между биографическим опытом и актуальными представлениями. Проведенные интервью позволили зафиксировать не только то, что думают респонденты, но обоснования их представлений. К примеру, фраза «мы росли в 90-е, поэтому…» — это проявление когортного эффекта, а фраза «сейчас мне 50, и я понимаю, что счастье — это…» — возрастного. В российской социологии классификации поколений формируются в привязке к конвенционально выделенным периодам отечественной истории (Омельченко 2024; Отцы и дети 2005; Семенова 2009) и с небольшими расхождениями используются в опросах (ФОМ, НАФИ). В рамках данного исследования мы используем

классификацию В. В. Радаева (Радаев 2019), дифференцирующего поколения с точки зрения условий, в которых происходил процесс их взросления. В рамках исследования были опрошены представители четырех социально активных поколений:

1. Послевоенного поколения 1947–1967 г.р. — в терминологии Радаева «поколения застоя», чей период взросления пришелся на брежневскую эпоху. Это поколение также называют «бэби-бумерами» или просто «бумерами».
2. Поколения родившихся в период 1968–1981 гг. — «реформенного поколения», взросление которого пришлось на период перестройки и последующих либеральных реформ. Конвенционально его также называют поколением X или «иксерами».
3. Поколения родившихся в 1982–2000 гг. — миллениалов, или поколения Y, чье взросление происходило в эпоху относительного благополучия начала XXI в.
4. Поколения Z, или зумеров, родившихся после 2001 г. и социализировавшихся в условиях глобальной цифровой культуры.

## Методы



Основой настоящего исследования являются 130 полуструктурированных интервью, из которых 17 были проведены с представителями поколения бумеров; 21 интервью — с представителями поколения X; 42 интервью — с миллениалами; 50 интервью — с зумерами. 83 опрошенных — мужчины, 47 — женщины; возраст информантов от 18 до 81 года. Данные были собраны в период с 30 октября по 18 ноября 2024 года. Большая часть интервьюируемых проживает в Нижнем Новгороде и Нижегородской области и имеет высшее или среднеспециальное образование. Тематический гайд включал следующие содержательные блоки: оценка уровня собственного счастья (метод — классическая версия «лестницы Кантрила», применяемой в World Happiness Report и включающая три оценки жизни: ретроспективную, в настоящем и будущем); определение счастья и его источники; роль государства и социальные институты; будущее и оценка счастья в стране (включающую оценку респондентами счастья других людей модифицированной «лестницей Кантрила»).

Реконструкция поколенческих представлений о счастье была проведена с опорой на классическую схему AGIL Т. Парсонса (Парсонс 2018). Эвристический потенциал функционального подхода Парсонса позволяет преодолеть разрыв между индивидуальными образами и представлениями о счастье как социальном конструкте, имеющем «принудительный» характер (Брюкнер 2007). С точки зрения функционального подхода счастье в современной культуре

является терминальной ценностью, достижению которой сопутствуют различные инструментальные ценности и нормы. При этом стремление к счастью как мейнстримная декларируемая установка является результатом функционирования социальной системы в целом. Подход Т. Парсонса позволяет фиксировать различия и единство систем интерпретации реальности разными поколениями, т. е. выявить устойчивые и изменчивые аспекты счастья. Схема AGIL является динамической моделью, разделяющей инвариантные компоненты счастья. L- и I-подсистемы — то, что сохраняет стабильность общества (универсальные ценности, например, семья); A- и G-подсистемы — исторически обусловленные, то, что отличает когорты (например, разные трактовки финансового благополучия у советских и подсоветских поколений). Система AGIL описывает четыре основных функциональных императива любой социальной системы: адаптация (A), целеполагание (G), латентное поддержание образца (L) и интеграция (I). Каждая из функций обеспечивается институционально: адаптация — экономическими институтами; целеполагание — политическими; функция поддержания образца — культурными институтами; интеграция — социальными. Принятие большинством людей счастья как основы жизненных устремлений позволяет управлять поведением людей: с одной стороны, цели и средства должны быть общественно приемлемыми и способствовать развитию общества; с другой — конструкт счастья основан на базовых общечеловеческих ценностях и потребностях, что способствует поддержанию стабильности и сотрудничеству в процессе достижения общественного блага (Табл. 1).



Интерпретация полученных в ходе интервью данных с использованием логики AGIL позволила выявить как противоречия в представлениях о счастье и роли государства в его достижении, так и точки пересечения ценностей и атрибутов счастья у представителей четырех поколений россиян. Основные атрибуты счастья и базовые ценности, являющиеся внутренними императивами системы и передающиеся в пространстве культуры и через межпоколенческое взаимодействие (L и I), схожи у всех поколений россиян. Однако представления о счастье, сформированные под действием внешних императивов системы — адаптация и целеполагание (A, G), — существенно различаются (Табл. 2).

**Таблица 1. Соотношение концепта счастья с основными императивами системы Т. Парсонса (Table 1. The Relationship Between the Concept of Happiness and the Core Imperatives of T. Parsons' AGIL System)**

| Средства достижения счастья (формируются в рамках экономических институтов (A) и институтов культуры (L)). | Смыслы достижения — представления об общеразделяемых целях и социальных нормах, вписывающих счастье в социальную систему через политические (G) и социальные (I) институты. | Механизмы регуляции системы |
|---|---|---|
| Адаптация (A)<br>Императив связан с обеспечением системы ресурсами на основе экономических институтов, предлагающих различные механизмы приспособления к изменяющимся условиям и достижения материального благополучия. Кроме того, адаптационные функции реализуют и культурные индустрии. В условиях ускоренного времени и сложностей адаптации к нему «фабрики счастья» (Иллуз, Кабанас 2023) предлагают индивидам наборы инструментов для поддержания позитивного эмоционального состояния, как гедонистического (в логике «хлеба и зрелищ»), так и эвдемонического характера (тренинги и курсы саморазвития, психотерапия, антидепрессанты и т. д.). Счастье в данном контексте становится результатом не столько успешной адаптации, сколько включенности в экономику счастья. | Целеполагание (G)<br>Императив связан с постановкой и реализацией целей системы. Наряду с базовыми ценностями существуют индивидуальные предпочтения и приоритеты, ассортимент которых формулируется в рамках политических институтов, прежде всего, государством. В зависимости от политического контекста приемлемыми ценностями могут быть: коллективные нормы, социальная справедливость, профессиональный успех и свобода, безопасность, патриотизм и др. В рамках базовых политических установок субъекты могут выбирать социально приемлемые и в то же время индивидуализированные цели, формировать образ будущего в соответствии с коллективными целями и формулировать запросы по отношению к государству на формирование условий, необходимых для достижения счастья. | Внешние механизмы (экономические, политические институты, технологические системы) |

| | | |
|---|---|---|
| Латентное поддержание образца (L)<br>Императив отвечает за поддержание ценностей, норм и убеждений, легитимизирующих всю систему. В контексте счастья это связано с наличием базовых ценностей, придающих жизни смысл и значение (здоровье, безопасность, любовь т. д.). Это универсальные ценности, которые могут быть ранжированы субъектами на основе собственных убеждений. Эти ценности формируются под влиянием институтов культуры, образования и семьи. | Интеграция (I)<br>Императив отвечает за поддержание согласия и единства внутри общественной системы. Институты и группы (семья, сообщества) являются внутренними ресурсами достижения счастья через поддержание сильных социальных связей и чувства принадлежности. Наличие общеразделяемых паттернов взаимодействия, институционального и индивидуального доверия, прозрачность механизмов включения в общественную жизнь способствуют формированию счастья как радости от общения и принятия. | Внутренние механизмы (социализация, нормативные системы, субъективный опыт, культурные образцы) |

**Таблица 2. Основные параметры социальных представлений о счастье, по которым мнения интервьюируемых пересекаются и расходятся**
**Table 2. Key Dimensions of Social Perceptions of Happiness: Areas of Consensus and Divergence Among Interviewees)**

| Адаптация (A) | Целеполагание (G) | Внешние механизмы социальной регуляции |
|---|---|---|
| Способы адаптации к социальной системе в целях достижения счастья разные у представителей всех поколений:<br>Бумеры — наличие внутренних источников счастья, в основе достижения личного счастья — умение радоваться мелочам.<br>X — личное счастье оценивается через социальные сравнения. В основе достижения — профессиональная самореализация, карьерный успех.<br>Связывают достижение личного счастья с политическими, социально-экономическими процессами в стране.<br>Финансовое благополучие для двух старших поколений — страховка от внешних обстоятельств и влияния макропроцессов.<br>Y — счастье связывается с постановкой и достижением личных целей, в основе — финансовая стабильность, независимость от социальных процессов.<br>Z — личное счастье связано с эмоциональными переживаниями в данный момент, важна возможность выбора в сфере потребления информации и самовыражения.<br>Финансовое благополучие для двух младших поколений — гарантия независимости и возможностей личного выбора. | Видение общественных и личных целей отличаются у представителей всех поколений.<br>Бумеры — достижение общего блага (безопасность, спокойная жизнь) при личном вкладе каждого, сдержанные ожидания по отношению к государству.<br>X — коллективная цель — стабильность и безопасность, высокие ожидания по отношению к государству, запрос на «прогнозируемое будущее», справедливость. Поколение поляризовано в отношении оценок деятельности государства.<br>Y — индивидуальные цели, связанные с материальным благополучием и свободой, формирование социально-политических условий для этого — цель государства. Критическое отношение к деятельности государства.<br>Z — индивидуальные цели, связанные с самореализацией, ожидание заботы со стороны государства, обеспечения свободы и возможности выбора. | разные для четырех поколений |

| | | |
|---|---|---|
| Латентное поддержание образца (L)<br>Представители всех поколений ориентированы на универсальные ценности: семья, здоровье, близкие отношения, безопасность (мир), стабильность. При этом представители старших поколений воспринимают благополучие своей семьи через объективные маркеры (семейный достаток, здоровье близких), представители младших — через субъективные ощущения. | Интеграция (I)<br>Представители всех поколений отмечают важность близких доверительных отношений с другими людьми. На микросоциальном уровне старшие поколения в целом позитивно оценивают свою интегрированность. Младшие (Y, Z) ощущают некоторую неудовлетворенность, связанную с нехваткой возможностей, времени для непосредственного общения. Представители всех поколений ориентированы на согласованность и интеграцию в социальную систему и ощущают неудовлетворенность существующим уровнем общественной солидаризации и доверия. | Внутренние механизмы социальной регуляции общие для четырех поколений |



## Структура представлений о счастье: сквозные ценности и поколенческие различия

Большинство интервьюируемых достаточно высоко оценивают собственный уровень счастья (в среднем 7,5 балла по 10-балльной шкале) и ниже оценивают уровень счастья в среднем у россиян (5,8 балла). Оценка счастья других людей была выявлена на основе адаптации вопросов метода «лестница Канвила» для выявления воспринимаемого благополучия россиян.

По всей видимости, разница между оценкой собственно уровня счастья и счастья других связана с механизмами формирования мнений о «среднероссийском» счастье: оно складывается на основе медийной картины мира, носящей преимущественно алармистский характер. Кроме того, возможно, на это влияет «парадокс Истерлина»: ухудшение ситуации для некоторых социальных категорий (беженцев, потерявших своих близких в ходе конфликта, и т. д.) усиливает осознание собственной безопасности и относительного благополучия на фоне других россиян. С этой точки зрения весь-

ма показательным представляется одно из высказываний респондента: «*На днях видел абсолютно счастливых людей — семья средних лет, которым удалось выбраться из Белгорода, где каждый день бомбёжки и вой сирен, и устроиться в Москве. К тому же сын поступил в престижный московский вуз*» (м., 46). Представления о счастье здесь формируются на фоне военного конфликта, отказ от идентификации с которым (эмоциональное дистанцирование) сильно повышает ощущение собственного благополучия.

При этом внутренние механизмы социальной регуляции, детерминирующие поведение людей в рамках латентного поддержания культурных образцов (L) и представления об интеграционных функциях социальной системы (I), являются общими для всех поколений. Счастье в представлениях интервьюируемых независимо от возраста ассоциируется с традиционными культурными ценностями: семьей, домом и хорошими отношениями с близкими (примечательно, что ценность здоровья также упоминается преимущественно в контексте здоровья и благополучия любимых людей). Говоря об источниках счастья, респонденты чаще всего указывают на позитивные эмоции и приятные события, семью и дом, деньги, хобби или наличие любимого дела, дающего возможность самореализации. Эти общеразделяемые ценности, передаваемые из поколения в поколение в рамках института семьи и транслируемые культурными институтами, функционально стабилизируют социальную систему.



При этом респонденты по-разному трактуют составляющие счастья. Семья в качестве основного атрибута и источника счастья указывается всеми интервьюируемыми, но старшие и младшие поколения по-разному расставляют акценты. Бумеры и представители поколения X указывают на то, что их ощущение счастья зависит от счастья близких: *«чтобы все были здоровы», «у всех все хорошо», «в семье был уют»*, и именно с семьей связывают потребность в материальном благополучии: *«нужно, чтобы достаток в семье был»* (ж., 62). Для Y и Z скорее характерно после упоминания семьи говорить о получаемых в связи с этим эмоциях: *«важна любовь родных и близких», «чтобы я чувствовал себя нужным»* (м., 21). При этом респонденты гораздо чаще признают, что наличие материального благополучия не гарантирует счастья: *«у человека все стабильно, есть работа, машина, он ездит в отпуск, у него есть зарплата, а дальше все от него зависит»* (ж., 28).

Несмотря на выраженную трудовую мотивацию респондентов, ключевым условием достижения желаемого уровня жизни они называют гарантии экономической стабильности со стороны государства: *«мое поколение только доросло до того, чтобы получать нормальную зарплату, и тут бац, и ты ипотеку себе уже позволить не можешь»* (ж., 36). Респонденты рассматривают гарантии от государства, связанные

с экономическим благополучием, как страховку: для представителей старших поколений — от неожиданно возникающих проблем со здоровьем и колебаний экономики: *«людям важно знать, что они могут рассчитывать на поддержку в трудные моменты»* (м., 50); для младших поколений — страховку от рисков, связанных с собственными жизненными выборами: *«хочется ставить перед собой более амбициозные личные цели, не чувствуя себя постоянно на грани выживания»* (м., 32). На необходимость стабильности не только экономической, но и социально-политической указывают респонденты независимо от возраста. Эта потребность формулируется как запрос по отношению к государству в словах «гарантии», «мир», «безопасность», «обеспечение доступа», «надежда», «понятная перспектива». Респонденты четко обозначают мысль о том, что государство должно создавать и гарантировать условия для достижения счастья, «*какую-то благоприятную среду для удовлетворения низших потребностей и минимизирования стресса населения*» (м., 35). Однако источники этого «стресса» или опасений за свое (и своей семьи) благополучие в настоящем или будущем представители четырех поколений россиян определяют по-разному.



Что касается интеграционных функций (I), представители всех поколений ориентированы на солидаризацию. Это выражается в признании важности общения с близкими и доверительных отношений с другими людьми. Причем чем моложе респондент, тем более критичной становится оценка наполненности собственной жизни общением. Бумеры с воодушевлением вспоминают и описывают моменты радости от проведенного с семьей и друзьями времени; представители поколений X и Y сетуют на нехватку времени на общение с близкими. При этом представители всех поколений ощущают неудовлетворенность уровнем солидарности или консолидации российского общества: *«Сейчас общество не сплочено. Каждый живет сам за себя»* (м., 34). Основные запросы к государству, связанные с солидаризацией: социальная справедливость, инфраструктурное равенство регионов и установление мира. Абсолютное большинство интервьюируемых всех поколений говорят об отсутствии военных конфликтов как необходимом условии общественного благополучия: *«все тревожатся, как бы дети их не попали туда, как бы вообще все мы не попали под какой-то замес»* (ж., 37).

## *Поколение бумеров: «спокойная жизнь» и «счастье в мелочах»*

В целом послевоенное поколение (по В. В. Радаеву, «поколение застоя») отличается адаптированностью и общей удовлетворенностью своей жизнью. Его отличительная черта — ориентация на внутренние ре-

сурсы для обретения счастья и умеренность в требованиях к государственной системе. В отличие от младших когорт, которые часто ожидают от государства активного содействия в самореализации, обеспечения «качества жизни», послевоенное поколение проводит более жесткую границу между сферой личного и общественного. Их запрос к государству носит не расширительный, а ограничительный и гарантирующий характер, что отражено в высказывании респондента: *«...безопасность, здоровье, минимальные потребности — это проблема государства. Но мы же понимаем, это еще не счастье. Счастье на этом стоит. За фундамент государство отвечает, а за настройку — ну, надеюсь, что не будет»* (м., 62). Представители поколения бумеров разделяют не только личное и общественное счастье, но и материальное благополучие и счастье: *«Сейчас все есть, а недовольных все больше и больше становится»* (м., 71). И в этой цитате, и во многих других интервью присутствует критическое отношение к избыточному государственному контролю: *«Вы говорите сейчас о Министерстве счастья, которое необходимо ввести? Вы осторожненько, а то сейчас услышит правительство и введут это министерство»* (м., 74). С другой стороны, присутствует общая удовлетворенность функционированием государственных институтов: *«Я работаю, а пенсионные льготы идут, выделяют путевки в санатории. Ездил вместе с женой, отдыхали уже не один раз. Считаю, что есть забота. Все анализы в больнице бесплатные. Есть, конечно, что-то сложное, но никуда не денешься от этого»* (м., 71).



Бумеры ожидают от государства социальных гарантий, но одновременно предпочитают абстрагироваться от вопросов о функционировании государственных институтов, находя источники счастья в семье и повседневных социальных практиках. Это поколение умеет радоваться мелочам и находить источники счастья в самых разнообразных аспектах жизни, красочно и метафорично описывая чувства, связанные с ощущением счастья. Основные атрибуты счастья для этого поколения — семья, любимое занятие, здоровье. Представители поколения бумеров в качестве источника счастья часто видят заботу о других: *«Как-то ближе относиться к людям, пробовать решать их проблемы, помогать им»* (м., 69). *«Сейчас внукам уделяем внимание и детям»* (м., 67).

В интервью бумеры реже использовали слово «стабильность» (как некое условие счастья), чаще — выражение «спокойная жизнь». Это позволяет предположить, что данное поколение связывает ощущение благополучия не столько с неизменностью внешних условий, сколько с внутренней способностью поддерживать личное равновесие. В целом в высказываниях бумеров, по сравнению с другими поколениями, в среднем реже встречаются алармистские настроения. Тревогу у бумеров вызывают скорее не собственная жизнь и благополучие, а психологическое состояние и будущее внуков:

*«У меня внуку сейчас 17. Иногда его спрашиваешь, как ты? Он устал, ему сейчас сложно. Он в маленькой депрессухе иногда бывает. Но это лишь только потому, что сейчас мир немножко изменился, информации гораздо больше»* (м., 71). «Стабильность» для этого поколения — это баланс обеспечиваемых государством социальных гарантий (часто фиксируемых в контексте ностальгической идеализации советского общества) и возможностей благополучного будущего для детей и внуков.

## *Поколение X: «стабильность» как требование справедливости*

По материалам интервью это поколение воспринимает себя и социальную реальность через сравнения. Рассуждая о счастье, «иксеры» постоянно сравнивают советское время и современность, Россию и другие страны, своих родителей и своих детей. Для представителей этого поколения счастье относительно; распространена логика «было-стало», «мечты-реальность», счастье как состояние по сравнению с несчастьем: *«Люди станут не от конечного результата счастливыми, а от того, что улучшилось, именно сам переход от плохого к хорошему»* (м., 50). Видимо, такое восприятие социальной реальности через сравнения определяет их максимальную поляризованность в оценках деятельности государственных институтов: от полного принятия и поддержки («*наконец-то приструнять как-то* (коррумпированных чиновников. — Н. Ш.) *стали, порядок появился»* (м., 55)) до недоверия и резко негативных оценок: *«государство и политика — антонимы слова счастье»* (м., 50).

Поколение X отличается прагматичностью и ответственностью. Рассуждая об атрибутах счастья, представители поколения много внимания уделяют вопросам материального благополучия — планам, связанным с приобретением недвижимости; образованию детей; своей помощи детям и родителям: «*У меня счастье не из-за того, что у меня есть деньги, а из-за того, что я могу на эти деньги помочь другим, родным, близким и друзьям*» (м., 58). Достижение счастья представители поколения X чаще других поколений связывают с карьерой и профессиональной самореализацией: «*Хотел бы реализовать опыт и знания, которые я получил за многие годы профессиональной деятельности. А сейчас я занимаю такую позицию, что не имею возможности полностью их использовать, передать свой опыт, знания людям»* (м., 49). В отличие от представителей поколения Y, для которых работа — преимущественно источник финансового благополучия, X выражают потребность и в получении удовольствия от работы; в их высказываниях транслируется идея о взаимосвязи между общественным благом и личным вкладом каждого.

Чувство ответственности за членов семьи способствует тому, что ценности стабильности и порядка становятся значимыми для достижения счастья поколением X. Прежде всего они ожидают от государства гарантий безопасности и защиты от *«криминала, произвола чиновников»* (ж., 43). Основной запрос к государству — поддержание стабильности: социальной — для возможности профессиональной реализации; политической — для расширения горизонтов планирования: *«Хотелось бы уверенности в завтрашнем дне, что ты будешь работать. Если мы будем спокойны и уверены в завтрашнем дне, мы сможем что-то планировать на будущее. Элементарно, как отпуск спланировать, а не думать: можно туда ехать или там война будет? Угнетает переживание всех этих нестабильностей»* (м., 45).

Достижение счастья связывается в представлениях X с установлением справедливости и равенства. Разница качества жизни в мегаполисах и малых городах определяется как несправедливость: *«Хочется мне, чтобы соотечественники мои тоже были счастливы, чтобы в чуть большей степени правительство задумывалось, что страна — это не только Москва и Санкт-Петербург, Нижний Новгород и Казань, а остальных городов не существует»* (м., 45). Кроме того, интервьюируемые связывают идею равенства с равенством перед законом*: «Справедливость и законность. И все встанет на свое место. И я был бы абсолютно счастлив. Соблюдение законодательства. А то получается, что позволено Юпитеру, то не позволено быку»* (м., 53).



В высказываниях поколения X звучит много опасений по поводу настоящего и будущего; пожалуй, по уровню тревожности их можно сравнить с Z. В отличие от Z (обеспокоенных в силу молодости поиском себя и своего места в жизни), тревожность X носит преимущественно надындивидуальный характер. В отличие от бумеров, представители поколения X связывают воедино и сравнивают микро- и макропроцессы, устройство общества и свою жизнь; свою деятельность они оценивают с точки зрения того, какие возможности предоставляет социальная система: «*Мы должны общественный строй свернуть от оголтелого капитализма к государственно-регулированному капитализму, как в некоторых странах Европы… это дает более справедливое распределение ресурсов»* (м., 49). Сравнивая Россию и Европу, мегаполисы и малые города, представители поколения X в целом демонстрируют пессимизм и тревожность. Удивительным образом разговор о счастье с «иксерами» трансформируется в детализированный рассказ о динамике цен, информационной перегрузке и опасениях за будущее своих детей.

## *Поколение Y: «вижу цель и вижу препятствия»*

Взросление миллениалов пришлось на постсоветскую эпоху; это поколение первым восприняло ценности индивидуализма и мо-

жет быть описано через теорию «ценностного сдвига» Р. Инглхарта (Инглхарт 1997). По сравнению с предшествующими поколениями Y придают большее значение личному успеху, достижениям, самореализации; работа, деньги и комфорт для них связаны с достижением независимости и свободы. В интервью миллениалов слово «свобода» встречается чаще, чем у предшественников: *«Счастье — это в первую очередь свобода, свобода своих действий, выбора, поведения»* (ж., 30). Это деятельное поколение, считающее, что достижение счастья связано с достижением целей: *«Я вижу результат, и меня это делает намного счастливее»* (ж., 30); *«достижение цели лично мне доставляет счастье, даже не сама итоговая конечная цель, а путь к ней, предвкушение»* (м., 34).

Для поколения Y, как и для X, характерно двойственное восприятие роли государства в обеспечении счастья граждан: высокие ожидания сочетаются здесь с критикой существующего положения дел. «*Оно должно быть более внимательным к жизни общества в такой тяжелый период, я имею в виду безопасность населения, экономическую стабильность, социальную поддержку нуждающимся. Государство делает недостаточно. Оно куда более охотно обращает внимание на неудобные для них информационные площадки, на кратковременные социальные явления, на их запреты*» (м., 32). С другой стороны, миллениалы не только критично настроены по отношению к государству, но и нивелируют роль государственных институтов в своей жизни: *«Я учился бесплатно и считаю, что я сам себе помог, государство мне не помогло»* (м., 34). «*Ничего я от государства не получила. Например, раньше мои родители получали квартиры, работая на предприятиях. От государства сейчас только ипотеки»* (ж., 37). Миллениалы чаще видят в деятельности государства скрытые и сомнительные мотивы: «*Они думают о том, чтобы помочь школьникам, убрав ЕГЭ, школьники и родители рады этому. Но причины у государства могут быть свои на это. У государства свои цели. Может, они пересекаются с хорошими. Но для государства главное — свой результат*» (м., 40). Высказывая в целом недоверие к государственным институтам, представители этого поколения в то же время формулируют множество различных ожиданий, связанных с функционированием государства: стабильные цены и курс рубля, развитая инфраструктура в регионах, доступное жилье, изменение миграционной политики, увеличение рождаемости, снижение процентных ставок и т. д.

Миллениалы — самое озабоченное финансовым благополучием поколение, для которого счастье гораздо чаще оказывается привязано к вещам и материальным объектам: *«Когда у тебя есть деньги, ты можешь сделать большинство вещей, которые тебя осчастливят»* (ж., 30). С одной стороны, это связано с приоритетом материальных ценностей, характерных для поколения, с другой — с тем, что в отличие от бумеров и X многие представители Y еще не успели обеспечить себя материальной базой, при этом имеют высокие ожи-

дания и потребности: «*Многие просто пытаются как-то обеспечить себе автономность существования спустя 5–10–15 лет… создаем себе подушку финансовую, какой-то базис в виде дома либо квартиры, появляется стабильность в жизни. И после этого мы уже становимся чуть-чуть счастливее. Мы будем в своей микроавтономии жить*» (м., 34). Показательно, что стабильность, о которой говорят представители Y, связывается не столько с макропроцессами (как у X и бумеров), сколько с личными достижениями и финансовыми накоплениями. При этом за желанием заработать на «финансовую подушку» и «микроавтономию» стоит прежде всего потребность в свободе и независимости. Многие отмечают, что снимать квартиру дешевле, чем брать в ипотеку, но для Y это и инструмент инвестирования: «*когда оно свое* (жилье. — Н. Ш.) *появилось, прямо были счастливы, потому что это свое, во-первых, а потом как бы и вложение денег*» (м., 36). В этом контексте миллениалы активнее старших поколений высказываются о факторах, ограничивающих их свободу. Особенно активно эта критика озвучивается в ответ на вопрос о счастье детей (в будущем) и о том, что будет этому способствовать, а что вызывает опасения: «*Нестабильность отношений со странами, война. Это пугает. Задай этот вопрос в другое время, я может быть бы и задумалась… Наверное, каждый бич в свое время, раньше — СПИД, наркомания; сейчас — война. Когда вот она закончится?*» (ж., 36). «*Во-первых, чтобы не было войны. В нынешних реалиях война рассорила много людей, многие семьи потеряли близких, каждые полвека приходят войны, не хотелось бы их повторений*» (ж., 39).



## *Поколение Z: стабильность как продолжение технологического прогресса*

Поколение зумеров ориентировано на свободу выбора, самовыражение и технологические инновации. Как и для других возрастных когорт, для молодых людей счастье ассоциируется с семьей и близкими; с миллениалами зумеров объединяет стремление к финансовому благополучию. При этом счастье они связывают скорее с внутренними переживаниями, в меньшей степени зависящими от внешних условий: «*когда воодушевление чувствуешь, способен на рискованные действия, на продуктивные действия в жизни, тем самым сделав ее счастливее*» (м., 23). Воодушевление и эмоциональное удовлетворение от любой деятельности представители этого поколения считают настолько важными, что, перечисляя социальные практики, служащие источником счастья, в один ряд ставят работу (обязательно творческую), спорт, игры, путешествия, приготовление пищи, общение с близкими. Акцентируют внимание не на том, что деятельность должна приносить доход (как Y), или на том, что она должны быть полезной (как X), а на полученном от деятельности удовольствии и воз-

можности самовыражения. Их запросы на благосостояние выглядят скромно по сравнению с миллениалами: *«есть крыша над головой, могу заказать себе пиццу, роллы… подписки* (на цифровые сервисы. — Н. Ш.) *есть»* (ж., 20). При этом перечисляемые молодежью источники удовольствия сложно назвать «бюджетными»: если игры, то трендовые (страйкбол, лазертаг), если приготовление пищи — то из списка фудтрендов. Источники счастья для этой когорты в основном социально сконструированы; причем следованием трендам важно «флексить», чтобы получить удовольствие не только от самой практики, но и от реакции других. Размышления о будущем зумеров, в отличие от старших поколений, абстрактно размышляющих о будущем страны и своем месте в нем, носят субъектный характер; молодые люди сконцентрированы на своих жизненных целях: *«развить себя как личность, как бы это смешно ни звучало»* (м., 21), *«найти хобби, приносящее деньги»* (ж., 19). Их представления о будущем часто размыты и тревожны: *«сейчас человек в нашей стране в возрасте чуть старше нас живет с непониманием того, что будет завтра»* (ж., 21).

Основной запрос к государству со стороны зумеров связан с возможностью выбора и стабильного доступа к информационным потокам и трендам: *«всё что-то замедляют, ограничивают* (речь идет о социальных медиа. — Н. Ш.)*, а зачем? Если хочешь, все равно можно пользоваться»* (м., 21). В отличие от старших поколений, видящих в стабильности возможность прогнозирования будущего и улучшение социально-экономических условий жизни, Z рассматривают стабильность как продолжение технологического прогресса и гарантированную возможность выбирать и потреблять новое. При этом многие зумеры выражают патерналистские ожидания по отношению к государству, рассматривают обеспечение счастья граждан как его прямую задачу: «*это практически прямая их задача. Зачем тогда функционируют органы власти»* (ж., 20). «*Это* (государство. — Н. Ш.) *как отец, который родил сына и берет обязанности на себя сделать его счастливым»* (м., 22). Таким образом, с одной стороны, респонденты рассчитывают на заботу и опеку со стороны государства, с другой — требуют определенной свободы, преимущественно связанной с наличием выбора при потреблении (информации) и принятии жизненных решений (место жительства, работа). Стабильность понимается при этом как баланс между обеспечением достойного уровня жизни (за счет государственных социальных программ) и отсутствием прямого контроля над их самовыражением и стратегиями самореализации.



## Заключение

Таким образом, интерпретация полученных в ходе интервью данных с использованием логики AGIL позволяет не просто система-

тизировать данные, но и раскрыть системный характер феномена счастья, преодолевая разрыв между индивидуальными образами и коллективными представлениями о счастье.

Основные способы достижения счастья (A) для советских поколений связаны со стабильностью и внутренними ресурсами, для постсоветских — со свободой и самореализацией. Роль государства (G) оценивается по-разному: от скромных ожиданий у бумеров до высоких и критичных — у остальных поколений. Ценности (L) остаются общими (семья, здоровье, материальное благополучие, хорошие отношения с близкими), но их выражение и приоритеты меняются от поколения к поколению. Все поколения ценят близкие доверительные отношения (I). При этом социальное доверие — общая проблема для всех поколений, что указывает на кризис интеграции в российском обществе.

Полученные данные позволяют, во-первых, сделать вывод о наличии принципиально разных жизненных стратегиях и запросах к власти представителей разных поколений. Если для бумеров счастье достигается через принятие системы, то для поколения X — через успех внутри нее, а для Y и Z — часто вопреки ее ограничениям или вне ее. В целом советские поколения демонстрируют оборонительную и адаптационные стратегии, в которых счастье достигается устойчивостью перед лицом внешних угроз. Постсоветские поколения ориентированы на стратегии активного формирования своей жизни, для них финансовая стабильность — это не «страховка», а ресурс для личной свободы.



Во-вторых, прослеживается размывание традиционной патерналистской модели ожиданий от государства. Бумеры верят во взаимные обязательства с государством, но с минимальными ожиданиями; X унаследовали высокие ожидания от государства (справедливость, прогнозируемость), но сталкиваясь с их невыполнением, демонстрируют поляризацию и фрустрацию. Постсоветские поколения относятся к государству как к провайдеру, который обязан обеспечить инфраструктуру для личного успеха (безопасность, законы, свободы). Их критическое отношение — это отношение клиента к некачественному сервису. Чем моложе поколение, тем слабее эмоциональная связь с государством, и тем более прагматичным и требовательным является запрос поколения.

В-третьих, универсальные ценности (семья, здоровье, благополучие), выделенные каждым поколением, имеют разное смысловое наполнение. Для бумеров и X благополучие семьи — это скорее статус и достижения. Для Y и Z — это внутренние ощущения и качество отношений. Это поколенческое расхождение между «быть» (советские) и «чувствовать» (постсоветские) ведет к непониманию в повседневной жизни.

В-четвертых, все поколения, включая старшие, фиксируют недостаток общественного доверия и солидарности, что указывает на кризис интеграции всего общества, где горизонтальные связи относительно слабы. При этом младшие поколения признают дефицит живого общения, вызванный цифровизацией и скоростью жизни. В части интервью, где респонденты описывают общение как источник счастья, четко прослеживается эмоциональный градиент: чем моложе респондент, тем более критичной становится оценка наполненности собственной жизни непосредственным общением. Старшие поколения склонны интерпретировать слабость горизонтальных связей как результат распада советской инфраструктуры, утрату традиционных коллективных форм солидарности. Младшие поколения, воспринимают дефицит живого общения как личную фрустрацию и препятствие к счастью: они «научены» ценить общение как живое присутствие, но их реальные практики не соответствуют ожиданиям, что связано с отсутствием закрепленных культурных образцов коммуникации в условиях изобилия цифровых медиа.

Кроме того, представители всех поколений формулируют запросы по отношению к государству, связанные с обеспечением «фундамента счастья»: материального благополучия и стабильности. При этом концепт «стабильности» респонденты трактуют очень по-разному. Это конвенциональное слово позволяет разным поколениям легитимировать свои запросы и ожидания: на поддержание баланса между социальными гарантиями и невмешательством в частную «спокойную» жизнь (бумеры); на социальную справедливость (поколение Х); недовольство продолжающимися конфликтами (миллениалы) и спадом технологического прогресса, а также ограничением своих возможностей самореализации (зумеры). Во многом схожим образом комсомольцы последнего советского поколения в рамках первой части своих заседаний, блистательно описанных А. Юрчаком (Юрчак 2014), цитировали официальный авторитетный дискурс, чтобы дальше (во второй и главной части заседания) договориться о проведении дискотеки. Схожим образом представители разных поколений озвучивают сегодня свои запросы и ожидания, используя слово «стабильность» для оправдания тактик не столько выживания или сопротивления (Серто 2013), сколько для прагматического планирования будущего.



## Финансирование / Funding

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-18-00395, https://rscf.ru/project/25-18-00395/

The article was supported by the Russian Science Foundation grant № 25-18-00395, https://rscf.ru/project/25-18-00395/

## Список источников / References

Брюкнер П. (2007) *Вечная эйфория. Эссе о принудительном счастье.* СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. ISBN 978-5-89059-112-8

— Bruckner P. (2007) *Perpetual Euphoria: On the Duty to Be Happy*. Saint Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. (in Russ.)

Иллуз Е., Кабанас Э. (2023) *Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь*. М.: АСТ. ISBN 978-5-17-153457-8

— Illouz E., Cabanas E. (2023) *Manufacturing happy citizens. How the Science and Industry of Happiness Control our Lives.* Moscow: AST. (in Russ.)

Инглхарт Р. (1997) Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. *Политические исследования*, 4, с. 6–32. EDN: ESCOIL.

— Inglehart R. (1997) Postmodernity: changing values and changing societies. *Political Studies*, 4, pp. 6–32. (in Russ.)

Мангейм К. (2000) *Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции*. Пер. с нем. Е. Додина. М.: ИНИОН РАН. EDN: LAFQOX.

— Mannheim K. (2000) *Essays on the sociology of knowledge: Generational problem — competitiveness — economic ambitions*. Moscow: INION RAN. (in Russ.)

Парсонс Т. (2018) *Социальная система.* М.: Академический проект. EDN: ZCGVEJ

— Parsons T. (2018) *The social system.* Moscow: Academic project. (in Russ.)

Соколов М. М. (2019) Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России. *Социология власти*, 31 (1), с. 71–91. EDN: ZDDCZN

— Sokolov M. M. (2019) Generations Instead of Classes? Age and the Consumer Revolution in Russia. *Sociology of Power*, 31 (1), pp. 71–91.

Омельченко Е. Л. (2024) Забытое поколение X. Ретроспективный взгляд из будущего. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2 (16), с. 10–28. https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.1

— Omelchenko E. L. (2024) Forgotten Generation X. A Retrospective Look from the Future. *Interaction. Interview. Interpretation*, 2 (16), pp. 10–28. (in Russ.)

*Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России* (2005) Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение. ISBN: 978-5-86793-370-6

— *Fathers and Children: A Generational Analysis of Modern Russia* (2005) Ed. Y. Levada, T. Shanin. Moscow: New Literary Review. (in Russ.)

Радаев В. В. (2019) *Миллениалы. Как меняется российское общество*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1

— Radaev V. V. (2019) *Millennials. How Russian society is changing*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (in Russ.)

Семенова В. В. (2009) *Социальная динамика поколений: проблема и реальность.* М.: РОССПЭН. EDN: QOKHWP

— Semenova V. V. (2009) *Social dynamics of generations: problem and reality.* Moscow: ROSSPEN. (in Russ.)

Серто М. де (2013) *Изобретение повседневности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. ISBN 978-5-94380-150-1.

— Certeau M. de. (2013) *The Practice of Everyday Life*. Saint Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg. (in Russ.)

Старикова А. А. (2019) К вопросу о взаимосвязи общественного и субъективного благополучия в экономике счастья (философский аспект). *Вопросы управления*, 2 (57), с. 66–74. EDN: XJSWEA.

— Starikova A. A. (2019) To the question of the interrelation of public and subjective well-being in the economy of happiness (philosophical aspect). *Management issues*, 2 (57), pp. 66–74. (in Russ.)

Юрчак А. (2014) *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение. ISBN 978-5-4448-0190-1

— Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation.* Moscow: New Literary Review. (in Russ.)

Easterlin R. A. (1974) *Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence.* Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz. N. Y.: Academic Press, pp. 89–125. https://doi.org/10.1016/b978-0-12-205050-3.50008-7

Jones B. J. (2024) *The Pursuit of Happiness in America. A Sociological Perspective*. N. Y.: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-031-65607-1

Riley M. W. (1973) Aging and Cohort Succession: Interpretations and Misinterpretations. *The Public Opinion Quarterly*, 1 (37), pp. 35–49. https://doi.org/10.1086/268058

Thaler R., Sunstein C. (2003) Libertarian Paternalism. *The American Economic Review*, 2 (93), pp. 175–179. https://doi.org/10.1257/000282803321947001



## Об авторе / About the author

*Шалютина Надежда Владимировна* — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация. Научные интересы: социология повседневности, цифровые практики, социология доверия.

https://orcid.org/0000-0001-6101-4551. E-mail: shalyut@mail.ru

*Nadezhda V. Shalyutina* — PhD in Sociology, Leading Researcher, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation. Research interests: sociology of everyday life, digital practices, sociology of trust.

https://orcid.org/0000-0001-6101-4551. E-mail: shalyut@mail.ru